

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Тютчева Элеонора (1799–1838)

Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

Ф. И. Тютчев

Прекрасную женщину, к которой обращены эти строки, звали Элеонорой Тютчевой. Поэт прожил с ней двенадцать лет до ее драматической преждевременной смерти.

Элеонора была дочерью графа Теодора Ботмера, принадлежавшего к одной из самых родовитых баварских фамилий, как и ее мать, урожденная баронесса Ганштейн. Совсем юной она вышла замуж за русского дипломата, поверенного в делах в Веймаре Александра Петерсона, и прожила с ним около семи лет. Трое ее сыновей от первого брака стали впоследствии российскими морскими офицерами.

С русским поэтом судьба связала овдовевшую Элеонору Петерсон при весьма необычных обстоятельствах. Страстно влюбленный в красавицу Амалию фон Лерхенфельд, молодой дипломат Тютчев в мае 1825 года уехал из Мюнхена в Россию, где провел более полугода. Он возвратился обратно, когда Амалия была уже женой другого.

Неизвестно, когда Тютчев узнал о замужестве своей подруги, но его отчаяние было безмерным. Дальше обратимся к исследованию Вадима Кожина: «И вот, удивительно скоро, 5 марта того же 1826 года, он женился на Элеоноре Петерсон... Это был во многих отношениях необычный, странный брак. Двадцатидвухлетний Тютчев тайно обвенчался (еще и через два года многие в Мюнхене, по свидетельству Генриха Гейне, не знали об этой свадьбе) с совсем недавно овдовевшей женщиной, матерью трех сыновей в возрасте от одного до семи лет, к тому же с женщиной, которая была на шесть лет старше его; принимая во внимание сугубую молодость Тютчева, это не могло не быть замеченным... Даже через десять лет, в 1836 году, тогдашний мюнхенский начальник Тютчева, Г.И. Гагарин, очень ему благоволивший, писал о тяжелых последствиях «неприятного и ложного положения, в которое он поставлен своим роковым браком».

Правда, «в пользу» этого брака говорит то, что Элеонора была полной обаяния женщиной, о чем свидетельствуют и посвященные ей стихи Тютчева, и ее портреты (кстати сказать, отметив, что Элеонора «уже не очень молодая», Гейне продолжал характеристику: «но бесконечно очаровательная»).

И все же — не слишком ли неожиданная избранница для молодого поэта эта почти тридцатилетняя вдова с тремя детьми? Многозначительно и то, что брак долго держали в тайне. Не естественнее ли будет предположить, что Тютчев решился на эту женитьбу главным образом ради спасения от мучений и унижения, вызванных утратой истинной своей возлюбленной?»

На наш взгляд, В. Кожин не смог отказаться в этих рассуждениях от прямолинейных, не всегда объяснимых выводов: эта возлюбленная истинная, а эта — нет. Так ли было на самом деле?

Вряд ли натуре знающего и ценящего женщин поэта было присуще стремление жениться просто затем, чтобы забыться и заглушить тоску. Это ему-то, любившему, по обыкновению своему, двух женщин одновременно: Элеонору и Эрнестину Дернберг, потом Эрнестину и Елену Денисьеву, а после смерти Денисьевой — Эрнестину и Елену Богданову. Отчего же невозможен в его жизни и такой мезальянс: любовь к Амалии и Элеоноре одновременно?

Надо отдать должное Федору Ивановичу — он вполне осознавал, какое сильное чувство к нему испытывала Элеонора Петерсон. Пройдет время — и такое же сильное чувство он внушит Эрнестине Дернберг и Леночке Денисьевой... А пока что он пишет своим родным о жене:

«...Эта слабая женщина обладает силой духа, соизмеримой разве только с нежностью, заключенной в ее сердце... Я хочу, чтобы вы, любящие меня, знали, что никогда ни один человек не любил другого так, как она меня... Не было ни одного дня в ее жизни, когда ради моего благополучия она не согласилась бы, не колеблясь ни мгновенья, умереть за меня».

«Элеонора сумела создать уютный и гостеприимный дом. Хотя при очень скромном жалованье Тютчева и сравнительно небольшой денежной помощи его родителей ей едва удавалось сводить концы с концами. И все же начальные семь лет этого супружества были самой счастливой порой в жизни Тютчева», — подчеркивает В. Кожин.

Хотя существовать рядом с поэтом было, очевидно, непросто еще и из-за его полной бытовой непригодности. Однажды в Мюнхене Федор Иванович потерял сознание. Придя в себя, он так объяснил причину своего обморока:

«Однажды ваш дядя (дядя князя Гагарина) пригласил меня на обед; я думал, что к шести часам, и явился в ту самую минуту, когда вставали из-за стола. Поэтому я не обедал. На другой день жены моей не было дома и некому было заказать обед; я обошелся без обеда. На третий день я потерял привычку обедать, но силы мне изменили, и я упал в обморок».

Впрочем, существует ли на свете бесконечное счастье? В феврале 1833 года на одном из балов приятель поэта, баварский публицист Карл Пфеффель, познакомил его со своей сестрой. Двадцатидвухлетняя красавица Эрнестина приехала в Мюнхен с пожилым супругом бароном Дернбергом. «Эрнестина, успевшая покорить мюнхенский свет красотой и искусностью в танцах, произвела сильное впечатление на Тютчева, — рассказывает В. Кожин. — К тому же произошла странная история: Дернберг почувствовал нездоровье и покинул бал, сказав на прощанье Тютчеву: «Поручаю вам свою жену», — а через несколько дней скончался...

После смерти мужа Эрнестина уехала из Мюнхена, но вскоре вернулась. И началась та любовь, которая, вероятно, стала своего рода выходом, спасением для Тютчева, потерпевшего поражение чуть ли не во всем, — и в то же время принесла ему немало тяжелых страданий. Он явно не мог ради новой любви не только расстаться с Элеонорой, но и даже — как мы увидим — разлюбить ее. И в то же время он не имел сил разорвать отношения с Эрнестиной. И это не могло остаться тайной.

Уже 2 июля 1833 года Элеонора сообщала Николаю Тютчеву (брату поэта) о состоянии мужа:

«Он, как мне кажется, делает глупости или что-то близкое к ним... Только не вздумайте принимать всерьез то, что, слава Богу, только шутка. Единственное, о чем я действительно думаю, это что Федор легкомысленно позволяет себе маленькие светские интрижки, которые, как бы незначительны они ни были, могут неприятно осложниться. Я не ревнива, и у меня для этого как будто нет оснований, но я беспокоюсь, видя, как он уподобляется сумасбродам...»

Можно представить отчаяние глубоко любящей Элеоноры Федоровны, когда правда стала слишком явной и она убедилась: оснований для ревности больше чем достаточно. В судьбе ее любимого Федора появилась другая — моложе, красивее и утонченнее ее!

Судя по портрету того периода, Элеонора Федоровна входила в свой зрелый возраст слегка располневшей, какой-то, если можно так сказать, «одомашненной» женщины. Да и могло ли быть иначе — дом, дети... Кроме трех сыновей от первого брака она воспитывала трех маленьких дочерей от Тютчева. Причем двое младшеньких, Дашенька и Катюша, родились в 1834 и 1835 годах — в самый апогей романа их отца с Эрнестиной Дернберг. Видимо, действительно в жизни Федора Ивановича одно не исключало другого...

Элеонора Федоровна была человеком иного склада. Измена мужа подкосила ее силы, жестоко ранив ее верное, преданное сердце. И сердце это не выдержало. Она пыталась уйти из жизни, ударив себя несколько раз кинжалом. Слава Богу, несчастья не произошло — кинжал был от маскарадного костюма... Увидев кровь, женщина в отчаянии выбежала на улицу и упала без чувств. Чужие люди — соседи — принесли ее домой... А вскоре примчался взволнованный муж и, судя по дальнейшему развитию событий, клятвенно пообещал ей разорвать отношения с баронессой Дернберг. Супруги договорились покинуть Мюнхен.

Вероятно, именно эта история, ставшая достоянием многих знакомых Тютчева, позволила Г.И. Гагарину сделать вывод о «неприятном и ложном положении» Федора Ивановича, «в которое он поставлен своим роковым браком». О неприятном и ложном положении жены Тютчева, естественно, не упоминалось... Но невольно напрашивается следующее: будь на месте Элеоноры Федоровны другая женщина — неужели Тютчев прошел бы мимо прелестной Эрнестины?!

В конце июня 1836 года Элеонора Федоровна со свойственной ей откровенностью писала свекрови о своем горячем желании уехать в Россию:

«Признаюсь, что особенно в данное время эта возможность пленяет меня более чем когда-либо; может быть, тяжелые дни, которые я тут провела, или все ложное и неприятное в положении Федора заставляют меня тяготиться моим пребыванием в Мюнхене...»

Она сумела простить мужа, как умеют прощать только благородные и чистые души. Их отношения остались прежними. Семья Тютчева переехала в Россию, но пробыла там недолго — Федор Иванович вновь устремился в Европу. Там его ждали новые встречи с Эрнестиной...

14 мая 1838 года Элеонора Федоровна с тремя малолетними дочерьми (Анне было девять лет, Дарье — четыре, Екатерине — два с половиной года) села на пароход, направлявшийся из Кронштадта в Любек. Вблизи Любека в ночь с 18 на 19 мая на пароходе вспыхнул пожар. Погасить пламя не удалось. Капитан устремил корабль к скали-стому берегу и посадил его на мель. Пассажиры с трудом и не без потерь переправились на берег — пять человек погибли, а пароход сгорел.

Иван Сергеевич Тургенев, бывший пассажиром этого же парохода, через сорок пять лет, уже перед самой смертью, подробно описал эту страшную ночь в очерке «Пожар на море». Он упомянул и «госпожу Т...», которая, спасая своих детей, испытала тяжелейшее нервное потрясение. Без сомнения, это Элеонора Федоровна Тютчева, сообщавшая сестре мужа на другой день после спасения:

«Дети невредимы! — только я пишу вам ушибленной рукой... Никогда вы не сможете представить себе эту ночь, полную ужаса и борьбы со смертью!»

Добравшись до Гамбурга, Элеонора Федоровна пробыла там около двух недель, не имея сил двинуться дальше, чтобы встретиться с любимым мужем. Врачи высказывали серьезные опасения за ее жизнь. Потрясенный Тютчев (поначалу он вообще ничего не знал о судьбе жены и детей) немедленно выехал в Германию. Какие, должно быть, горькие, полные раскаяния мысли посещали его в дороге... Ему казалось, что он навсегда теряет жену, которой принес немало слез и потрясений.

Элеонора Федоровна выжила, хотя дни ее, к сожалению, были уже сочтены. Супруги готовились к новой жизни в Турине — с 22 июля Тютчев приступил к исполнению обязанностей поверенного в делах в Сардинском королевстве. Пришлось устраиваться заново в чужом городе, не имея достаточных средств. Во время пожара на пароходе сгорело решительно все — бумаги, деньги, вещи. Правда, семье предоставили правительственное пособие, но его не хватило даже на самое необходимое.

«Все это окончательно надломило здоровье Элеоноры, — пишет В. Кожин, — и достаточно было сильной простуды, чтобы оборвать ее жизнь. 27 августа 1838 года, в возра-

сте сорока лет она скончалась на руках мужа, — по словам его самого, “в жесточайших страданиях”...»

Тютчев в одну ночь поседел от горя. 6 октября он писан Жуковскому:

«Есть ужасные години в существовании человеческом... Пережить все, чем мы жили — жили в продолжение целых двенадцати лет... Что обыкновеннее этой судьбы — и что ужаснее? Все пережить и все-таки жить...»

Душевные переживания Тютчева не до конца были понятны Жуковскому. Цельный по своему внутреннему складу, он не без удивления записал в своем дневнике:

«Он горюет о жене, которая умерла мучительною смертью, а говорят, что он влюблен в Мюнхене».

Невольно напрашивается мысль: любовь первой жены поэта была такой силы, что позволила ей покинуть этот мир для того только, чтобы ее любимый был счастлив... с другой.

Новую жизнь Тютчев начал уже без Элеоноры Федоровны. В декабре того же года состоялась его тайная помолвка с Эрнестиной Дернберг.

Через десять лет он напишет стихотворение, посвященное памяти первой жены: «Еще томлюсь тоской желаний...» Ее душа еще раз посетит поэта спустя двадцать лет со дня смерти Элеоноры, вызвав стихотворное признание:

Так мило-благодатна,
Воздушна и светла
Душе моей стократно
Любовь твоя была.